

о социальной ответственности бизнеса. Незадолго до Первой мировой войны свой вклад в дискуссию по этому вопросу внёс и Рыкачев, полемизировавший с М.И. Туган-Барановским, П.А. Сорокиным, М.О. Гершензоном⁸.

Центристское течение в русском либерализме прослеживается вплоть до 1917 г. К этому времени оно претерпело определённую эволюцию, испытав влияние лидеров новой генерации – в лице «молодых» московских капиталистов (П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова), председателя фракции прогрессистов в III и IV Думах И.Н. Ефремова и др. Различия во взглядах между ними и «патриархами» течения проявились (особенно после начала Первой мировой войны) не только в вопросах тактики, но и в подходах к решению национальных проблем. В частности, Арсеньев с тревогой наблюдал за попытками создания в России национал-либеральной партии. Он предупреждал Струве и его соратников, что ничего хорошего из «национализации русского либерализма» не выйдет, поскольку либерализм в конце концов будет поглощён национализмом.

Опыт российских либералов-центристов начала XX в. дополняет и уточняет представление о русском либерализме и, на мой взгляд, может способствовать реабилитации самой идеи либерализма, во многом дискредитированной в постсоветской России.

⁸ См.: Хайлова Н.Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.

Революция 1905–1907 гг. и положение политических заключённых в России

Алла Морозова

The revolution of 1905–1907 and political prisoners in Russia
Alla Morozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В настоящее время нет единого понимания термина «политический заключённый», и он применяется как в широком, так и в узком смысле. В России в XIX – начале XX в. существовал официальный статус политического заключённого. В XIX в. он определялся «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», в 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, содержащее статьи, предусматривавшие ответственность за политические преступления (например, участие в скопище, собравшемся для выражения неуважения к верховной власти, порицания образа правления, сочувствия бунту или бунтовщикам, произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти (ст. 129, 132) и др.)¹.

© 2016 г. А.Ю. Морозова

¹ ПСЗ-III. Т. 23. СПб., 1905. № 22704. С. 175–274.

Однако довольно часто политические преступления не разбирались судебным порядком, а решались административным путём, описанным в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений». Поэтому политическими заключёнными следует считать всех содержащихся в местах лишения свободы участников революционного движения, осуждённых как судебными инстанциями, так и в административном порядке.

В начале XX в. условия содержания политзаключённых в Российской империи определялись прежде всего достаточно жёстким «Уставом о содержащихся под стражею», утверждённым в 1890 г. В 1904 г. были приняты «Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов», где подробно расписывались соответствующие нормы, которые касались находящихся в предварительном заключении, и отмечалось, что присуждённые к срочному заключению и ссылке, «содержатся во время нахождения в местах заключения гражданского ведомства по правилам содержания срочных общеуголовных арестантов»².

Но, как всегда в России, суровый по букве и духу закона режим содержания мог быть значительно смягчён его неисполнением, так что реальное положение дел на местах зависело от конкретных людей – начальников и сотрудников мест заключения. М.А. Спиридонова писала о Нерчинской каторге, раскинувшейся по Сибирской тайге на сотни километров: «Режим у нас определялся в большей мере тем, кем был начальник тюрьмы. Он же определял собой настроение младшей администрации, профессия которой давала все права и возможности быть безответственными мучителями отданных в их власть людей... Тюрьмы имели начальниками зверьё и палачей и рядом – добродушных либералов старого сибирского закала»³.

Многие революционеры вспоминали о сравнительной мягкости режима благодаря местному тюремному начальству и надзирателям. Так, большевичка Ц.С. Бобровская отмечала, что во время её пребывания в Сущевской части условия содержания там были более чем сносные, потому что начальство было никудышное: смотритель какой-то безликий, а из двух его помощников один был горький пьяница, а другой – щёголь-сластёна, и неуставное поведение начальства значительно облегчало положение узников⁴. А эсер Н.Я. Быховский вспоминал о старике-надзирателе в корпусе для политических заключённых Черниговской тюрьмы, который давал политическим заключённым возможность «переговариваться и сноситься, упрашивая только об одном, чтобы мы его не подвели и чтобы он на старости лет не потерял службы и близкой уже пенсии... Чтобы дать нам возможность поговорить у верхней решётки над дверью, он становился у наружной двери политического корпуса, наблюдая, чтобы не нагрязнул кто-нибудь из начальства. И всё это делалось совершенно бескорыстно, только из сочувствия к нам, молодым “соколикам”, попавшим в неволю не из “личной корысти”, как он говорил, а за нечто другое, не вполне ещё ясное ему, но всё же не только не грешное, но даже справедливое»⁵. О довольно мягком режиме вспоминают и нерчинские каторжанки Ф. Радзиловская

² Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. Утв. ноября 16 дня 1904 г. министром юстиции. М., 1904.

³ Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 491.

⁴ Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика. 1894–1917. М., 1957. С. 107–108.

⁵ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 21, л. 169–171.

и А. Орестова: «В течение дня у нас камеры в коридор не запирались, в самих камерах был далеко не казённый вид, и кровати покрывались своими одеялами. Наши бессрочницы не носили кандалов, как им полагалось, и кандалы валялись где-то, ожидая экстренного случая... Бельё, обувь и платье мы носили, большей частью, своё, и многие из нас ходили обычно в цветных платьях»⁶.

В весьма значительной степени реальный режим содержания зависел и от борьбы самих политзаключённых за свои права, отношения к ним общества и состояния общественно-политической атмосферы в стране в целом. В условиях разгоравшейся революции уже в июне 1905 г. в разных местах Российской империи на митингах и крестьянских сходах принимались многочисленные резолюции с требованиями освобождения политических заключённых, а после объявления Манифеста 17 октября в нескольких городах происходило стихийное освобождение политзаключённых из тюрем. Амнистия за политические преступления 21 октября 1905 г. оказалась значительно более скромной, чем ожидалось в условиях подъёма революции: по этому указу освобождались лица, отбывавшие наказания за преступления десятилетней давности, по некоторым статьям срок наказания был сокращён наполовину; присуждённым к бессрочной каторге или смертной казни устанавливалось наказание 15 лет каторжных работ; полностью амнистировались лишь принимавшие участие в стачках. Тем не менее такое послабление позволило вернуться в Россию многим политэмигрантам.

Революционный подъём и сочувствие общества к революции в 1905–1907 гг. привели к либерализации тюремного режима, но не по закону, а «явочным порядком». Так, народоволец, а затем эсер С.А. Никонов вспоминал, что после ареста в Севастополе в ночь на 14 апреля 1907 г. знакомый начальник тюрьмы посадил его с сыном вместе в одиночную камеру, что, впрочем, было не слишком удивительно, так как «тюрьма была в это время переполнена... Поэтому в одиночках сидело по 2–3 и даже 4 человека, а на прогулки приходилось выводить по несколько десятков человек, совершенно не считаясь с требованием изоляции арестованных. А благодаря начальнику тюрьмы, в общем очень приличному человеку, вскоре изгнанному за свою мягкость, мы могли комбинировать наши прогулки в это время почти что по своему желанию. Легко также производились переводы из камеры в камеру по заявлению арестованных. Наконец, мы имели общение друг с другом во время утренней уборки камер, когда сразу отворялись на полчаса или час двери всех или почти всех камер коридора и заключённые свободно ходили по коридору, отправлялись в уборную, к умывальникам и часто просто заходили друг к другу в камеры. Переходили из одного этажа в другой. Это были остатки режима, установившегося с конца 1905 года»⁷. Похожая ситуация была в 1905 г. в Борисоглебской тюрьме, где все заключённые гуляли одновременно и на тюремном дворе уже сами разделялись: уголовные – в одном углу, политические (их было человек 100) – в другом, а аграрники, т.е. осуждённые за аграрные беспорядки, – сами по себе⁸. А содержащиеся в Литовском замке женщины-политзаключённые даже добились того, что нескольким из них было позволено заниматься в соседней камере, так как в их камере было слишком тесно – негде было разложить книги и тетради для записи⁹.

⁶ Радзиловская Ф., Орестова А. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. С. 531.

⁷ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 161, л. 243.

⁸ Там же, д. 52, л. 57.

⁹ Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. Изд. 3. М., 1988. С. 94.

Однако после поражения революции произошло «завинчивание гаек». Многие тюремщики просто стали соблюдать букву закона, не допуская прежних отклонений и послаблений. Но и это возвращение к букве закона, вызывавшее ухудшение реальных условий содержания, воспринималось заключёнными как притеснение. Как писал в своих тюремных записках С.П. Мельгунов, сидевший и при царском, и при советском режимах, срабатывала «старая психология заключённого: всякую льготу он начинает считать уже своим правом и отнятие раз данных льгот считает грубым нарушением уже своих прав»¹⁰.

Но были и тюремщики, которые словно отыгрывались за своё временное поражение, за свой страх, пьянели от вседозволенности и безнаказанности. Печальной известностью пользовалось Рижское сыскное отделение, которое получило название «Музей пыток», так как из попавших туда арестованных пытками выбивались признания в совершённых и не совершённых преступлениях. Один из прошедших через этот ад (причём дважды), Карл Мицит, подробно описавший собственные и своих товарищей страдания, пришёл к такому выводу: «Я понял, что сидящий напротив меня палач, с испытанным красным лицом, с громадным жирным подбородком, страшен не тем, что может в пытке избить, искалечить тело, а тем, что пыткой калечит всё, что есть светлого в человеке, так что человеку нечем жить после этого – и сходят от этого люди с ума, кончают самоубийством... Большинство прошедших через Музей после заживших ран остаются на всю жизнь искалеченными своим внутренним миром, и их постепенно, но неизбежно подтачивает этот душевный разлад. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на тот огромный процент психических расстройств в рижских тюрьмах»¹¹.

В ответ на ужесточение режима в тюрьмах и на каторгах усиливается борьба политзаключённых за своё достоинство и права. Эта борьба за те или иные, кажущиеся порой мелкими улучшения условий содержания была не самоцелью и мотивировалась не шкурными интересами, политзаключённые всегда воспринимали её как продолжение революционной борьбы в иных условиях – в условиях несвободы. Как справедливо отметил упоминавшийся уже Мельгунов, «эта борьба за лучшие условия жизни, за право стучать, гулять, писать, читать и говорить была та же самая борьба за свободу»¹². Добиваясь минимально приемлемых условий существования, заключённые противостояли тому, чего стремилось добиться от них тюремное начальство – смирения с «тягчайшим и унижительным ощущением себя *вещью*, которую могут раздеть, обшарить, увести, привести, раздавить, избить и убить»¹³.

Кроме того, рассматривая пребывание в тюрьме или на каторге как временную приостановку активной деятельности, как своего рода «вынужденную передышку», политзаключённые стремились использовать это время для подготовки к новой борьбе. Не случайно крайне важным для них становилось то, что позволяет сохранить здоровье, – более долгая прогулка и физические упражнения, а также получение книг с воли и научные занятия, споры и общение, дававшие возможность развиваться умственно и политически.

Крайними формами тюремного сопротивления являлись голодовки и самоубийства. Но эффективны они были прежде всего в условиях, когда опасе-

¹⁰ Тюремные записки С.П. Мельгунова. 1920 год. Сборник документов. М., 2015. С. 35.

¹¹ РГАСПИ, ф. 332, оп. 1, д. 22, л. 282, 292.

¹² Тюремные записки С.П. Мельгунова... С. 109.

¹³ Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге. С. 492.

ния тюремщиков, что такие факты станут известны их начальству и обществу, пересиливали их желание настоять на своём и не дать заключённым никаких послаблений или возможности отстоять своё человеческое достоинство.

Наибольший резонанс получило самоубийство в Горном Зерентуе Егора Созонова – убийцы В.К. Плеве. По свидетельству Спиридоновой, «волна общественного негодования прокатилась по затравленной стране. После 4 лет молчания и борьбы только в тюрьмах, силами самих пленников, это был первый громкий звук протеста и задушенной ярости, прорвавшийся в ряде забастовок студенчества, протестующих подписей, резких выпадов печати»¹⁴.

Со стороны революционеров в период революции 1905–1907 гг. получил широкое распространение так называемый тюремный террор, продолжавшийся некоторое время и после её поражения. Жертвами нападения революционеров становились начальники тюрем, полицейские надзиратели, начальники каторг. По данным министерства юстиции, только в 1907 г. от рук террористов погибли 140 и получили ранения 169 служащих тюремного ведомства¹⁵. В некоторых случаях «за террор» высказывались даже социал-демократы. Так, в середине 1907 г. в Одессе был убит начальник тюрьмы Шафорок. По воспоминаниям П. Витязева, при обсуждении в «тюремной комиссии», состоявшей из представителей всех партий, вопроса о его убийстве как о единственном способе предотвратить бунт заключённых и его последующее жестокое подавление, «даже меньшевики голосовали за террор и взялись известить свою организацию, чтобы она помогла в этом отношении эсерам и анархистам. Особые надежды возлагались на этом совещании на боевую организацию эсеров... За Шафоруком началась форменная погоня. Убили его анархисты, и тюрьма снова стала жить прежней вольницей»¹⁶.

Переменам к худшему в положении заключённых способствовало также размывание самого социума политзаключённых, ставшее следствием революционных событий. В годы революции и сразу после неё было осуждено по политическим статьям большое количество людей. Среди них было немало случайно унесённых революционной волной или откровенных уголовников, грабивших под видом революционных «эксков» или вступивших в рабочие дружины. Оказавшись в тюрьмах и на каторге, такие «тоже политические» принесли с собой свои этические представления, которые резко контрастировали с этикой революционеров. Резко выросшая и включившая в свой состав множество случайных людей масса политзаключённых оказалась гораздо менее способной на сплоченные коллективные действия.

Таким образом, революция, с одной стороны, увеличила оппозиционные государству силы количественно, а с другой – ослабила революционную среду и революционные партии качественно. Начался стремительный процесс «серения» партий, размывания революционных традиций, да и самой революционной субкультуры, что не могло не сказаться и на поведении политзаключённых.

¹⁴ Там же. С. 493.

¹⁵ Звягинцев А.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906–1917. М., 1996. С. 31.

¹⁶ Витязев П. Памяти Н.Д. Шишмарёва. Из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 257.